

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В СОЦИАЛЬНОМ
И АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИЯХ
MIDDLE AGES IN THE SOCIAL
AND ANTHROPOLOGICAL DIMENSIONS

DOI 10.15826/izv2.2022.24.3.053
УДК 94(38) + 34(37) + 94(495) + 321.15 +
+ 316.66

Е. С. Зайцева
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

**СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС РИМСКИХ СЕНАТОРОВ
ПО ДАННЫМ КОДЕКСА ФЕОДОСИЯ:
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И РЕАЛЬНОСТЬ**

В 438 г. по инициативе императора Феодосия II был опубликован один из наиболее значительных законодательных сборников поздней Римской империи — «Кодекс Феодосия», который является ценным источником по социальной истории римского государства позднеантичного периода. На основании данных Кодекса Феодосия и Новелл императоров автор статьи реконструирует наиболее важные компоненты социального статуса римских сенаторов IV в.

Выявлено, что в представлении императора и составителей Кодекса Феодосия сенаторская аристократия мыслилась высшим сословием Римской империи. На статус римских сенаторов оказывали влияние несколько составляющих. Следование «подходящему» образу жизни и должное исполнение политических функций определяло положение сенатора в социуме и формировало его репутацию не только в глазах императора, но и в глазах своего сообщества, а также других сословий. На статусе сказывался и способ попадания человека в ряды сенаторской аристократии. Так, не столько важно было происхождение, сколько соблюдение законности в получении титулов, а также, в случае с декурионами, легитимности перехода из одного сословия в другое. Наконец, владение патримонием и обеспечение его должного функционирования гарантировало полноценную и своевременную выплату налогов сенаторами, и также в глазах правителя имело значение для сохранения высокого статуса сенаторской аристократии.

В отличие от законодательства, реальность была более сложной. Так, в действительности на социальный статус оказывало влияние гораздо большее количество составляющих (например, принятие или неприятие римского аристократа городским плебсом), к тому же должное выполнение сенатором всех требований,

выдвигаемых императорской властью, не всегда приводило его к успеху в политической деятельности.

Ключевые слова: поздняя Античность; римская аристократия; Кодекс Феодосия; социальный статус

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1548.2022.2 «Поздняя Византия: политические и социокультурные вызовы и ответы на них».

Цитирование: *Зайцева Е. С.* Социальный статус римских сенаторов по данным Кодекса Феодосия: законодательство и реальность // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24, № 3. С. 200–214. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.3.053>

Поступила в редакцию: 11.05.2022

Принята к печати: 15.07.2022

Evgeniya S. Zaitseva

*Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia*

SOCIAL STATUS OF ROMAN SENATORS ACCORDING TO THE *THEODOSIAN CODE*: LEGISLATION AND REALITY

In 438, at the initiative of Emperor Theodosius II, one of the most significant legislative collections of the late Roman Empire, the *Codex Theodosianus* (Eng. *Theodosian Code*), was published, which is a valuable source on the social history of the Roman state in Late Antiquity. Based on the data of the *Codex Theodosianus* and *Novellae* of Emperors, the author of the article reconstructs the most important components of the social status of Roman senators of the fourth century BC.

It is revealed that in the view of the emperor and the compilers of the *Theodosian Code*, the senatorial aristocracy was thought of as the highest class of the Roman Empire. Several factors influenced the status of Roman senators. Following a “suitable” way of life and proper performance of political functions determined the position of the senator in society and formed his reputation not only in the eyes of the emperor, but also in the eyes of his community, as well as other classes. The way a person got into the ranks of the senatorial aristocracy also affected the status. So, it was not so much the origin that was important, but the observance of legality in obtaining titles, and, in the case of decurions, the legitimacy of the transition from one estate to another. Finally, the possession of the patrimony and ensuring its proper functioning guaranteed the full and timely payment of taxes by the senators, and in the eyes of the ruler was important for maintaining the high status of the senatorial aristocracy.

Unlike legislation, reality was more complex. Thus, the social status was influenced by a much larger number of components (for example, the acceptance or rejection of a Roman aristocrat by the city plebs), moreover, the proper fulfillment by the senator

of all the requirements put forward by the imperial power did not always lead him to success in political activity.

Key words: Late Antiquity; Roman aristocracy; *Theodosian Code*; social status

Acknowledgements

The article was prepared with the financial support of a grant from the President of the Russian Federation for leading research schools of the Russian Federation (project NSh-1548.2022.2 “Late Byzantium: Political and Sociocultural Challenges and Responses to Them”).

For citation: Zaitseva, E. S. (2022). Sotsial'nyi status rimskikh senatorov po dannym Kodeksa Feodosiia: zakonodatel'stvo i real'nost' [Social Status of Roman Senators According to the *Theodosian Code*: Legislation and Reality]. *Izvestiya Uralskogo federal'nogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 24(3), 200–214. <https://doi.org/10.15826/izv2.2022.24.3.053>

Submitted: 11.05.2022

Accepted: 15.07.2022

Последний год своего правления (363) император Юлиан, известный как Отступник, проводил вдали от Рима, предпринимая очередную попытку усмирить персов, атаковавших восточные рубежи империи [Amm. XXIII. 1. 1–3]. Не уповая на то, что правитель обратит свой взор на Рим и посетит древнюю столицу, некоторые из римских аристократов поспешили посетить Юлиана в Антиохии, вероятно, в надежде на получение милостей из рук правителя. Действительно, в награду за дальнюю дорогу и выказанную таким образом верность Юлиан даровал прибывшим к нему аристократам ряд высоких государственных должностей. Когда «были посланы к нему (Юлиану. — *Е. 3.*) из Вечного города (Рима. — *Е. 3.*) послы, мужи знатного происхождения и испытанные службой, достойной похвалы, император удостоил их различных почестей. Апрониана он назначил префектом Рима, а Октавиана — проконсулом Африки; Венуста он поставил викарием в Испании, Руфина Ардия возвел в ранг комита Востока вместо своего недавно умершего дяди Юлиана» [Amm. XXIII. 1. 4]. Император Юлиан практиковал подобного рода благодеяния и ранее. В 361 г. он пожаловал высокую должность Максиму, знатному римскому аристократу, сделав его префектом Вечного города [Amm. XXI. 12. 24]. Вскоре после этого Отступник назначил одним из консулов на 362 г. Клавдия Мамертина, префекта претория Иллирика, а другим — Флавия Невитту [Bagnall, Cameron, Schwartz, Worp, p. 258–259], «чтобы укрепить доверие в покорных» [Amm. XXI. 12. 25].

В поздней Античности императоры регулярно награждали «покорных» сенаторов и чиновников за верность должностями и титулами. Дарование должности порой резко изменяло социальный статус человека, тотчас он становился представителем высшего сословия империи — senatorской аристократии. «Непокорных» же правители карали лишением регалий и званий, что, напротив, негативно отражалось на социальном статусе провинившегося

[CTh. IV. VI. 2]. Показателен в этом отношении 14 титул 15-й книги Кодекса Феодосия под названием «Об отмене тех [постановлений], которые были приняты при тиранах и варварах» (*De infirmendis his, quae sub tyrannis aut barbaris gesta sunt*) [CTh. XV. XIV. 1–14]. Как только Константин I добился единоличной власти, разгромив войска Лициния в сражениях при Адрианополе 3 июля и при Хризополисе 18 сентября 324 г. [Zos. II. 22–28; Barnes, p. 106], он немедленно выпустил постановление об отмене всех законов узурпатора [CTh. XV. XIV. 1], а также отдельное постановление в отношении тех лиц, «которые тираном из сенаторов до корабельных должностей были понижены» (*qui ex senatoribus ad navicularium munus a tyranno deieci sunt*) [CTh. XV. XIV. 4¹]. Сенату следовало создать коллегию, сообща отыскать таких людей и восстановить их в ранге, приличествующем их происхождению. После устранения тирана Магна Максима в 388 г. [Lat. Pan. II. XXXV–XXXVI] соправители Валентиниан II, Феодосий I и Аркадий отдали распоряжение преторианскому префекту Трифолию относительно восстановления в прежних рангах тех лиц, кто дерзнул присвоить себе почести по милости узурпатора² [CTh. XV. XIV. 6].

Исходя из сказанного, можно заключить, что социальный статус, приобретаемый с получением *dignitates et honores*, в поздней Античности являлся отнюдь не абстрактной категорией, а ключевой характеристикой индивида. Задача «званий и почестей» заключалась в точном определении места человека в обществе в целом и среди иных социальных групп в частности³. Именно по этой причине узурпаторы, придя к власти, прежде всего лишали неугодных *dignitates et honores*, а значит, и прежнего статуса. Именно поэтому императоры, одержав победу над тираном, прежде всего восстанавливали статус верных себе людей. В этой связи кажется вполне обоснованным предложение Д. Шлинкерта интерпретировать то, что длительное время было принято называть «инфляцией титулов» [Demandt, S. 258; Stroheker, S. 16], напротив, как показатель их значимости [Schlinkert, S. 65–66].

Проблема четкого определения критериев социального статуса отдельных категорий позднеантичного общества стала особенно актуальной со второй половины IV в. Примерно к этому времени окончательно оформилась новая социальная структура, ставшая результатом комплекса реформ правителей Диоклетиана, Константина I и Констанция II, пытавшихся преодолеть последствия так называемого «кризиса III в.» [The Cambridge Ancient History, p. 84–88]. В связи

¹ Постановление принято в отношении тех лиц, которые по воле Лициния были лишены senatorского статуса и которым была пожалована должность судовладельцев. Константин I повелевал, чтобы сенаторы вернули таких людей в свои ряды. Постановление касалось только сенаторов, «которые молили о восстановлении своих прав по рождению», т. е. родовитых аристократов.

² «Никто не имеет права на возвращение *honores*, полученных по воле тирана Магна Максима».

³ Тезис о зависимости прав и привилегий сенаторов от их статуса принимают ряд исследователей, в частности, А. Джонс [Jones, p. 523–562] и Дж. Мэтьюз [Matthews, p. 307]. В этом смысле очень показательным стремление декурионов и чиновников получить титул *vir clarissimus*. Однако зачастую тезис влечет за собой допущение о кастовом характере позднеантичного общества, безосновательность которого была доказана К. Хопкинс [Hopkins, p. 239].

с этим отдельная задача заключалась и в регламентации составляющих статуса сенаторской аристократии, которая должна была стать одним из звеньев бюрократической структуры и частью социальной опоры нового режима [Arnheim, p. 39–102; Moser, p. 13–44, 85–118]. Сложность выполнения поставленной задачи была обусловлена традиционными притязаниями гордых римских аристократов на свою исключительную роль в управлении западной частью империи.

С притязаниями римских сенаторов действительно приходилось считаться. Если еще в начале IV в. римские сенаторы не имели никаких рычагов влияния на императоров Диоклетиана и Константина, то к концу IV столетия западные аристократы осознавали себя не просто полноценными хозяевами Рима, но и равноправными политическими акторами с собственными целями и устремлениями. Показательны в этом отношении церемонии *adventus*'а⁴ императоров IV в. Императора Константина I устраивала лишь модель взаимоотношений, при которой сенат «распростерт у ног правителя» [Lat. Pan. V. IX. 1]. Но уже при Констанции I ситуация стала другой. По свидетельству Аммиана, «когда он (Констанций. — *Е. З.*) приближался к столице (в мае 357 г. Констанций отпраздновал в Риме триумф в честь победы над узурпаторами Магном Магненцием и Магном Деценцием. — *Е. З.*), сенат вышел ему навстречу, и он с радостным видом принимал почтительные приветствия сената, разглядывал почтенные лица людей патрицианского происхождения и не думал, как Кинеас, посол Пирра, что перед ним собралось в одно место множество царей, что тут место сбора всего мира» [Amm. XVI. 10. 1–5]. В сцене же вступления Феодосия I в Рим в конце IV в. по поводу празднования триумфа после победы, одержанной над узурпатором Магном Максимом, императора приветствовала уже «свободная знать перед стенами города; сенаторы, обращающие на себя внимание белыми одеждами» [Lat. Pan. II. VIII]. И эта знать вполне закономерно рассчитывала на правление монарха, опирающегося на сенат, а не угнетающего его. Эволюция положения аристократии в IV в. налицо.

Единственным специальным трудом по вопросу статуса сенаторской аристократии является работа Д. Шлинкerta, в которой исследованы термины, обозначавшие сенаторскую аристократию в Кодексах Феодосия, Юстиниана и в историческом сочинении Аммиана Марцеллина и, соответственно, выражавшие различные аспекты их социального статуса [Schlinkert, S. 3–6]. Вопрос социального статуса аристократов исследован также в работах К. Ф. Штрохекера [Stroheker, S. 54–87], А. Демандта [Demandt, S. 276–286], А. Джонса [Jones, p. 523–562] и Дж. Мэтьюза [Matthews, p. 307]. На основании данных позднеантичного законодательства IV в. (Кодекса Феодосия и Новелл императоров) постараемся реконструировать составляющие социального статуса позднеантичной римской аристократии, а также продемонстрировать, насколько картина, изображенная в законодательстве, соответствовала реальности. Названные источники обладают необходимым информационным потенциалом для выполнения поставленной

⁴ Церемония торжественного приветствия вступающего в город императора.

задачи, поскольку в них содержатся ценные сведения по социальной истории римского государства в позднеантичный период, а также отражено место, которое император отводил римским аристократам в социальной структуре, восприятие своего положения самими сенаторами [Schlinkert, S. 57–58].

Сенаторская аристократия в Кодексе Феодосия обозначена терминами *ordo senatorius* [CTh. IX. II. 1, I. 29, 57, 58, 65, 101, 111, 122, 130, 160, 187] или *ordo senatorum* [CTh. VI. III; XII. 1. 74; Nov. Marc. 4], а также *ordo amplissimus* и *ordo splendidissimus* [CTh. XII. I. 74; VI. II. 15]. Дополнительные оттенки этим обозначениям придают именованья сената, не мыслимого отдельно от своих участников, как «наша высочайшая курия» (*consortium amplissima curia nostrae*) [CTh. VI. VII. 1], «благороднейшая курия» (*nobilissima curia*) [CTh. XII. I. 12], «святейшее собрание» (*sacratissimus coetus*) [CTh. VI. XXVIII. 5]. Исходя из общего пафоса приведенных фраз, император и авторы законов, безусловно, представляли senatorскую аристократию высшим сословием Римской империи. Причем авторитет сословия был неоспорим, что следует, к примеру, из закона 365 г.: «что не было даровано senatorскому сословию, не может быть даровано советам муниципиев» (*quod senatorio ordini concessum non est, concedi non posse ordinibus civitatum*) [CTh. XII. I. 65].

Особое положение senatorской аристократии было отражено и во внешнем облике ее представителей. Согласно 10 титулу XIV книги Кодекса «*De Habitu, quo uti Oportet intra Urbem*» senatorы не имели права носить военную одежду, если они находились в Риме. В повседневной жизни им полагалось надевать гражданский плащ, а на заседания сената облачаться в тогу [CTh. XIV. X. 1; 382 г.]. Более того, сенат в 10 титуле обозначен как «собрание сословия, одетого в белое» (*conventus ordinis candidati*). В случае игнорирования этого постановления правонарушитель утрачивал отличительные знаки своего высокого ранга и не мог посещать заседания сената [CTh. XIV. X. 1. 3]. Вероятно, суровость наказания можно объяснить тем, что, помимо задачи визуального отражения статуса, определенное одеяние выполняло и другую функцию. Оно не только выделяло, но и отделяло аристократов от иных сословий, в первую очередь, от провинциальной знати, членов муниципальных советов, стремившихся пополнить их ряды.

Позднеантичная аристократия не отличалась внутренней однородностью. В самом общем отношении ее можно разделить на родовитую знать, тех, кто получил ранг «благодаря счастливому рождению», и служилую — тех, кому ранг был дарован по милости правителя [CTh. VI. II. 13]. Для начала рассмотрим первую из обозначенных категорий. Прямое указание на наследование senatorских титулов в Кодексе Феодосия отсутствует. Однако это не означает, что такого закона никогда не существовало. Мы солидарны с Д. Шлинкерт, предположившим, что закон, фиксировавший механизмы наследования *dignitas senatoria*, не сохранился [Schlinkert, S. 85–89]. О наличии династического принципа передачи senatorских титулов можно заключить из косвенных данных. Во-первых, Кодекс Юстиниана сохранил закон, согласно которому senatorы, получившие

ранг от правителя, могут передать *dignitas senatoria* своим детям [CJ. XII. I. 11]. Указание в качестве объектов закона «новых людей» предполагало, что аналогичное право априори имелось и у представителей знатной части аристократии. Во-вторых, наличие закона о наследовании senatorских рангов подтверждает и постановление Кодекса Феодосия от 16 июня 383 г., включенное в титул «О декурионах»: «по примеру senatorского сословия каждый должен следовать муниципальному происхождению своего отца» (*exemplo senatorii ordinis patris originem municeps unusquisque sequatur*) [CTh. XII. I. 101]. Помимо вывода о существовании «закона о наследовании senatorских титулов», который, вероятно, был утерян, из приведенного можно заключить еще и следующее: император сохранил за собой право регулировать процесс предоставления senatorского статуса «новым людям», но в дела старой римской знати вмешивался нечасто.

Родовитую часть аристократии император всячески оберегал. В частности, правитель ограничил количество представителей «новых людей» для того, чтобы защитить высший социальный слой от размывания и утраты статусной идентичности. Так, согласно постановлению 428 г., из senatorов исключены ряд министерских служащих. Секретари (*notariorum*), те из священного консистория, кто обеспечивал исполнение обязанностей декурионами (*sacri consistorii decurionum militia muniuntur*), служащие тайных министерств, достигшие ранга дученария (*e schola agentum in rebus expletis stipendiis ad principatum ducenae perenerunt*), адвокаты преторианских и городских префектов, а также все иные лица, имеющие присвоенный senatorский ранг (*togati quoque praetorianae atque etiam urbariae praefecturae ceterique omnes, qui delatis sibi senatoriis dignitatibus fruuntur*), должны взять на себя только обязательства по выплате земельного налога (*glebales*). Служащие министерств священных и частных императорских щедрот должны быть освобождены от senatorских званий (*senatoriae dignitati*) и исключены из состава сената [CTh. VI. II. 26]. Особенно много запретов относится к ограничению вертикальной мобильности декурионов. Основная часть постановлений ограничивает возможности декурионов по попаданию в ряды senatorской аристократии [CTh. XII. I], что также значительно уменьшало вероятность «растворения» родовитой знати среди служилой аристократии. Однако сказанное не означает, что декурионы не могли войти в senatorское сословие — было важно сделать это легитимно.

Законная возможность попасть в ряды senatorской аристократии заключалась в получении титула в качестве дара от императора — *dignitas indulta* [CTh. XII. I. 5]. Дарование титулов и рангов было исключительной привилегией правителя, которую он ревностно оберегал. Попытки незаконного присвоения senatorского титула именовались *dignitas usurpata* (узурпацией ранга) и жестко карались [CTh. XII. I. 65]. Если конкретизировать, император не поощрял логически вытекающее из нарушения невыполнение *munera* в общинах, а также попадание под покровительство иного лица, кроме себя [Schlinkert, S. 75–78]. Таким образом «новые люди», а точнее механизмы их кооптации в ряды senatorской аристократии, находились под жестким контролем правителя.

Следующую составляющую статуса римского аристократа можно обозначить как следование «подходящему» образу жизни или «подходящее» поведение. За расплывчатой формулировкой скрывается вполне конкретное содержание.

Еще во II в. была сформулирована модель культурного и умеренного во всем аристократа, называвшаяся *verecundus* [Brown, p. 339–427]. Она выражалась в скромности, отсутствии бытовых излишеств, отстраненности от плебейских удовольствий, в общем, определенной умеренности духовной жизни, что способствовало возвышению благородных нобилей над массой плебса, предававшегося недостойным развлечениям вроде посещения гладиаторских боев, представлений на ипподроме и в цирке. Сенатор, не соответствовавший этим стандартам, подвергался риску, по определению П. Брауна, быть зараженным «моральной ипохондрией» [Браун, с. 274]. Однако Кодекс Феодосия толковал «подходящий» образ жизни не только как умеренный и скромный.

Во-первых, в законодательстве обозначен прямой запрет на вступление в брак с представителями маргинальных социальных групп. Постановление от 21 июля 336 г. исключало возможность заключить законный брак между рабынями, дочерьми рабынь, вольноотпущенницами, дочерьми вольноотпущенниц, актрисами, дочерьми актрис, хозяйками таверны, дочерьми хозяек таверны, дочерьми сводника, гладиатора или торговки и сенаторами, лицами в ранге перфектиссима, теми, кто занимал должности дуумвира, квинквеналла, а также жреческие должности, в частности фламينا, в муниципиях [CTh. IV. VI. 3]. Сенаторы должны избегать подобных браков под страхом позора и исключения из юрисдикции римского права. Не очень ясно значение социальной категории, обозначенной в приведенном законе как *humili vel objecta filia*. Еще современники задавались вопросом, кого точно следует понимать под «дочерьми поднявшихся из низов или дочерьми людей незнатного происхождения», а главное — относится ли эта фраза к свободнорожденным, но по той или иной причине утратившим свое состояние женщинам. Разъяснить указанные трудности была призвана Новелла императора Маркиана от 4 апреля 454 г., где прямо указано, что Константин I, принимая закон, имел в виду только тех женщин, которые вели неподобающий образ жизни, имели постыдную и непристойную профессию или бесславное происхождение (*aut vita probrosis quaestibus dedita sordentibus notis polluit et vel per originis turpitudinem vel obscaenitate professionis infecit*) [Nov. Marc. 1. 1–3].

Для поддержания «подходящего образа жизни» сенаторам также полагалось соблюдать нормы морали и избегать бесчестия. Бесчестие сената и сенаторов или, напротив, их честь напрямую зависели от уважительного или неуважительного отношения к правителю и его законам. Так, к примеру, в постановлении от 29 мая 376 г. читаем: «если случайно, к бесчестию сената, божественное императорское постановление будет оставлено без внимания» (*si forte in contumeliam senatus divalis fuerit forma neglecta*) [CTh. I. XXVIII. 3]. С другой стороны, сама возможность дарования ранга и причастность к сенату уже подразумевала у человека необходимые моральные качества, в том числе стремление избегать бесчестия в своих поступках. Показателен в этом отношении четвертый титул шестой

книги Кодекса «О преторах и квесторах» [CTh. VI. IV. 9]. Постановление императора Константа от 9 мая 356 г., предписывающее установление ценза в сенате для выборов преторов, свидетельствует о том, что выбранные 50 человек ранга *clarissimi* полны «всякого рода добродетелями (*virtus*)». Кроме того, достоинство senatorского сословия заключалась и в том, чтобы честно исполнять свои должностные обязанности [CTh. VI. IV. 10. 1–2], и снова в первую очередь для того, чтобы оправдать доверие императора. При соблюдении обозначенных требований император мог вступить за сенаторов перед чиновниками и вообще всеми, кто пытался ущемить права аристократов [CTh. I. XXVIII. 4].

Следование моральным нормам и справедливости должно также распространяться и на представителей своего социального слоя. Так было в случае с *defensoribus senatus*. Согласно постановлению от 3 мая 361 г., защита сената может быть доверена только тем лицам, которые показали себя достаточно благонадежными, «чья добросовестность считается внушающей доверие» (*quorum fides probabilis aestimatur*) [CTh. I. XXVIII. 1]. Вероятно, здесь подразумевается доверие со стороны правителя и других сенаторов. К кандидатам на должность защитника муниципия выдвигались требования «подходящего нрава» (*idoneis moribus*), также «прежней жизни, достойной похвалы за честность» [CTh. I. XXIX. 1].

Должное исполнение политических функций также оказывало влияние на социальный статус сенатора, определяло его положение в социуме и формировало репутацию в глазах коллег. Подробно выдвинутый тезис анализирует М. Арнхейм [Arnheim, p. 155–168], мы лишь остановимся на одном из аспектов влияния на статус сенатора добросовестности при занятии должностей. Из senatorских постов Кодекс Феодосия более других регламентирует политические функции преторов и квесторов, одна из главных обязанностей которых заключалась в подготовке и проведении игр [CTh. VI. 4. 1, 4, 6, 7, 10]. Именно эта повинность была напрямую связана с формированием социального статуса senatorских аристократов.

Игры проводились за счет избранного лица, и Кодекс Феодосия жестко регламентировал траты на развлечения. *Incommodum* должен был составлять в зависимости от типа претуры от 25 тыс. фоллисов и 50 фунтов серебра до 15 тыс. фоллисов и 30 фунтов серебра [CTh. VI. 4. 5]. Выбранный senator обязывался организовать развлечение при любых обстоятельствах, условия были несколько смягчены только в отношении несовершеннолетних. Так, воспрещалось выдвигать кандидатуру несовершеннолетнего на проведение квесторских игр в его отсутствие [CTh. VI. 4. 1, 2]. По замечанию А. А. Чекаловой, «суммы, предназначавшиеся для отправления претуры, были незначительны» [Чекалова, с. 37]. Тем не менее, константинопольские senatorы от исполнения магистратуры всячески уклонялись, о чем свидетельствует ряд законов, устанавливавших меры наказания для тех, кто по какой-то причине не исполнил порученную претуру [CTh. VI. 4. 13, 22]. Римские же senatorы, вероятно, напротив, рассматривали игры в качестве способа получения поощрения от жителей Рима и поддержания

своего высокого статуса в глазах общественности. Вероятно, именно в связи с высказанным тезисом следует рассматривать приведенную выше регламентацию трат на проведение преторских игр. Западные аристократы на организацию зрелищ для толпы денег не жалели, что следует хотя бы из небезызвестного фрагмента сочинения Олимпиодора, в котором греческий автор отмечал, что Проб и Симмах истратили на организацию преторских игр по 12 кентинариев⁵ золотом, а Максим и вовсе — 40 [Olympiod. fr. 44].

Значение игр для Рима и ожидания населения от них показаны в известном фрагменте сочинения Аммиана Марцеллина. Описывая преторские игры Цейония Руфия Волузиана Лампадия 337 г., греческий автор сообщает: «Когда пышные преторские игры были устроены и многочисленные подарки сделаны, <Лампадий>, не имевший возможности выдержать волнения плебса, настаивающего на большом количестве подарков часто того не заслуживающим (людям. — Е. З.), пригласил нескольких нищих с Ватикана и очень щедро их одарил, для того чтобы показать щедрым себя и продемонстрировать презрение к толпе» (*Hic cum magnificos praetor ederet ludos, et uberrime largiretur, plebis nequiens tolerare tumultum, indignis multa donari saepe urgentis, ut et liberalem se et multitudinis ostenderet contemptorem, accitos a Vaticano quosdam egentes, opibus ditaverant magnis*) [Amm. XXVII. 3. 6]. Аммиан трактует произошедшее как пример тщеславия Лампадия. Однако, возможно, грек просто не до конца осознавал, что практика дарения подарков значима не только для римского плебса, но и для самого аристократа. И нет здесь никакого «презрения к толпе», а лишь необходимый ритуал, часть преторских игр, которая была исполнена должным образом. Благодаря произошедшему, Лампадий, вероятно, обрел положительную репутацию не только в глазах римского плебса, но и в глазах императора. В 354 г., когда Констанций II устранил своего двоюродного брата Галла и сместил с поста префекта претория Галлии своего родственника Вулкация Руфина, на место Руфина был поставлен именно Лампадий. В следующем десятилетии Руфин был назначен еще и префектом Рима [Jones, Martindale, Morris, p. 978–979]. Не является ли этот случай примером того, когда должное исполнение своих обязанностей принесло «покорному» и верному сенатору Констанция II высокие назначения?

Должное проведение игр напрямую связано с четвертой важнейшей составляющей senatorского статуса — владением патримонием, поскольку именно доходы, получаемые с поместий, позволяли римским аристократам посредством организации дорогостоящих игр завоевывать себе репутацию, влияющую на статус. Однако главная ценность наличия поместья у римского аристократа, с точки зрения императора, конечно, связана с другим — оно обеспечивало полноценную и своевременную выплату налогов. Это следует из нескольких постановлений.

Из закона, опубликованного 10 января 383 г. от имени августов Грациана, Валентиниана и Феодосия и адресованного преторианскому префекту Гипатию,

⁵ Один кентинарий равен ста фунтам золота.

следовало, что главное богатство римского сенатора заключалось в земельном наделе. О размере своего земельного владения аристократы должны были информировать всю общественность или, как минимум, представителей сенаторского сословия, публикуя специальную налоговую декларацию (*professio*) [CTh. VI. II. 13]. В противном случае земельная собственность, размеры которой скрыты, следовало взыскать в пользу фиска. Неисполнение указанного постановления могло закрыть доступ и к ряду должностей, в частности, никто не имел права стать наместником провинции с *dignitas consularis*, пока претендент не подтвердил наличие сенаторского титула, постоянного места жительства в провинции и городе⁶ (*sedes certas in provincia atque oppido collocasse*), а также размер собственности — снова нужно заполнить налоговую декларацию с указанием состояния [CTh. VI. II. 13. 1]. От этого требования освобождались лишь те, кто получил титул консуляра в качестве почетного или в качестве награды за выслугу на императорской дворцовой службе, за что, заплатив взнос, они и попали в сенаторское сословие [CTh. VI. II. 13. 2]. Закон от 29 апреля 397 г. подтверждал необходимость уплаты земельного налога (*glebalis*) и предоставления налоговой декларации в случае, если некто получил дворцовую должность и в связи с этим был включен в состав сената. Однако в законе оговаривалось, что в этом случае претуру исполнять не нужно [CTh. VI. II. 19].

Земельная собственность римских сенаторов концентрировалась в провинциях, так что сенаторы не выполняли порой свои обязанности по проведению игр именно по этой причине [CTh. VI. 4. 2]. В самом городе сенаторы часто покупали небольшую по размерам недвижимость, только чтобы иметь возможность числиться в сенате Рима.

Патримоний сенаторов в провинциях строго охранялся. Постановлением 396 г. было предписано, что сенаторские взносы и взносы муниципальных советов должны быть четко разделены. Налоги с сенаторских *fundis* должны взыскиваться ректорами провинций, налоги с муниципального совета взимались *ensitorem vel peraequatorem*. Функция защитника сената (*defendendi senatus*) заключалась в том, чтобы контролировать установленный порядок [CTh. I. XXVIII. 2; VI. III. 2; 3].

Доходы с патримония обеспечивали сенаторам возможность выплачивать существенные по размерам налоги. Самым значимым являлся специальный сенаторский земельный налог (*glebalia*) [CTh. VI. II. 14; 15]. Он составлял два фоллиса и, вероятно, эта сумма была достаточно высока, поскольку постановление Кодекса Феодосия подтверждает, что размер налога должен оставаться неизменным для всех сенаторов, даже если они не имеют никакого земельного владения или не указали никакого земельного владения в налоговой декларации, но получили высокую должность [CTh. VI. II. 13. 2]. Уже в 384 г. для некоторых из вновь введенных в сенаторское сословие этот налог отменялся. Вероятно, новый закон касался только сенаторов из Фракии и Македонии [CTh. VI. II. 14],

⁶ Видимо, в провинции, в которую человек был назначен консуляром.

которые вошли в сенат г. Константинополя, и не распространялся на другие территории не только Запада, но и Востока, поскольку закон от 31 августа 393 г. допускает возможность для тех, кто не в состоянии выплачивать два фоллиса, заменить его ежегодной выплатой семи солидов. Таким образом, если размеры патримония не давали возможности выплачивать налог в полном размере, сенатор получал возможность остаться в рядах членов сенаторского сословия, воспользовавшись этой привилегией [CTh. VI. II. 15]. Однако если и сниженный налог оказывался неподъемным, сенатору не следовало пытаться сохранить за собой сенаторское звание (*dignitatem senatoriam non requirant*). Постановление от 401 г. подтверждает необходимость выплаты земельного налога золотом (*glebalis auri*) [CTh. VI. II. 22]. Получить гарантированное освобождение от выплаты налога (*glebae senatoriae*), согласно постановлению от 14 мая 417 г., можно было только в случае, если сенатор решил вступить во владение заброшенным земельным участком (*possessionem*) [CTh. VI. II. 24].

Второй налог, *aurum oblativum*, также выплачивался всеми сенаторами Рима без исключения, если они постоянно проживали в Риме. Даже наличие у сенатора провинциального поместья не освобождало аристократа от выплаты указанного налога, поскольку доходы от провинциальных имений поступали в казну города, а *aurum oblativum* отправлялся в императорский фиск [CTh. VI. II. 16]. Свидетельств о послаблении в выплате этого налога, как это было с *glebalia*, в Кодексе Феодосия не встречается. Может сложиться мнение, что в пополнении собственной казны император был заинтересован гораздо больше, чем в пополнении казны городов. Однако по закону 426 г. часть *aurum oblativum* была передана в распоряжение «общего отечества и города» (*patriae communi urbuque*) (сената Рима. — E. 3.) [CTh. VI. II. 25], что отсекает это подозрение.

Передача целого патримония или его части стороннему лицу должна была быть одобрена постановлением, внесенным ассессором в *actis provincialibus* [CTh. VI. II. 17; 18]. До 397 г. ассессор взыскивал и *aurum oblativum* с сенаторов, проживавших в провинциях, затем эта обязанность была возложена на наместников провинций (*ordinariis iudicibus*), в которых соответствующий налогоплательщик «хранил лары» (*larem foverent*) [CTh. VI. II. 20].

Исходя из количества статей Кодекса Феодосия, посвященных налогообложению сенаторов, ясно, что должное исполнение финансовых обязательств аристократов по отношению к императорскому фиску серьезно контролировалось представителями центральной власти. Сенаторские налоги, вероятно, формировали значительную часть государственного бюджета. Следовательно, своевременное и регулярное пополнение казны сенаторами вызывало расположение к ним со стороны императора и, вероятно, влияло на назначение «доброевольных» лиц на высшие государственные должности.

Таким образом, статус римской сенаторской аристократии формировался из нескольких составляющих. Следование «подходящему» образу жизни и должное исполнение политических функций определяло положение сенатора

в социуме и формировало его репутацию в глазах своего сообщества, других сословий и императора. На статус оказывал влияние и способ попадания человека в ряды senatorской аристократии. В этом отношении не столь важным оказывалось родовитое происхождение, сколько соблюдение законности в получении титулов, а также, в случае с декурионами, легитимности перехода из одного сословия в другое. Наконец, владение патримонием и обеспечение его должного функционирования гарантировало полноценную и своевременную выплату налогов сенаторов и также в глазах правителя имело огромное значение для сохранения их высокого статуса.

В отличие от законодательства, где критерии и составляющие социального статуса аристократа представлены логично и последовательно, реальность была более сложной. С одной стороны, в действительности на социальный статус оказывало влияние гораздо большее количество составляющих, с другой — даже должное выполнение сенатором всех требований, выдвигаемых императорской властью, не всегда приводило его к успеху в политической деятельности.

Источники

Amm. — Ammianus Marcellinus : in 3 vols. / trans. J. C. Rolfe. Cambridge : Harvard Univ. Press, 1935–1939.

CJ — Corpus Iuris Civilis / rec. P. Kruger. Berolini : Apud Weidmannos, 1892. Vol. 2.

CTh — The Theodosian Code and Novels and the Sirmondian Constitutions / ed. C. Pharr. Princeton : Princeton Univ. Press, 1952.

Lat. Pan. — Латинские панегирики / вступ. ст., пер. и коммент. И. Ю. Шабаги. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.

Nov. Marc. — Theodosiani Libri XVI cum Constitutionibus Sirmondianis et Leges Novellae ad Theodosianum pertinentes / rec. Th. Mommsen, P. M. Meyer. Berolini : Apud Weidmannos, 1954.

Olimpiod. fr. — Олимпиодор Фиванский. История / пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской // Византийский временник. 1956. Т. 8. С. 223–276.

Zos. — Zosimi Comitis et Exadvocati Fisci Historia Nova / ed. L. Mendelssohn. Lipsiae : V. G. Teubner, 1887.

Исследования

Браун П. Поздняя античность // История частной жизни / под ред. П. Вейна. М. : Новое литературное обозрение, 2017. Т. 1. С. 269–336.

Чекалова А. А. Претура: основа комплектования сената Константинополя или налоговое бремя сенаторов? // Античная древность и средние века. 1992. Т. 26. С. 37–45.

Arnheim M. T. W. The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford : Clarendon Press, 1972.

Bagnall R. S., Cameron Al., Schwartz S. R., Worp K. A. Consuls of the Later Roman Empire. Atlanta : The American Philological Association, 1987.

Barnes T. D. Constantine: Dynasty, Religion, and Power in the Later Roman Empire. Chichester : Wiley-Blackwell, 2011.

Brown P. The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity. New York : Columbia Univ. Press, 1988.

Demandt A. Geschichte der Spätantike Das Römische Reich von Diocletian bis Justinian 284–565 n. Chr. München : Beck, 2008.

Hopkins K. Social Mobility in the Later Roman Empire: The Evidence of Ausonius // *Classical Quarterly*. 1961. No. 11. P. 239–249.

Jones A. H. M. *The Later Roman Empire 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey*. Oxford : Blackwell, 1964. Vol. 2.

Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1971. T. 1 : A.D. 260–395.

Matthews J. *Western Aristocracies and Imperial Court A. D. 364–425*. Oxford : Clarendon Press ; New York : Oxford Univ. Press, 1975.

Moser M. *Emperor and Senators in the Reign of Constantius II. Maintaining Imperial Rule between Rome and Constantinople in the Fourth Century AD*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2018.

Schlinkert D. *Ordo Senatorius und Nobilitas: die Konstitution des Senatsadels in der Spätantike*. Stuttgart : Steiner, 1996.

Stroheker K. F. *Der Senatorische Adel im Spätantiken Gallien*. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1970.

The Cambridge Ancient History / ed. by Av. Cameron, P. Garnsey. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2008. Vol. XIII.

References

Arnheim, M. T. W. (1972). *The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire*. Oxford: Clarendon Press.

Bagnall, R. S., Cameron, Al., Schwartz, S. R., & Worp, K. A. (1987). *Consuls of the Later Roman Empire*. Atlanta: The American Philological Association.

Barnes, T. D. (2011). *Constantine: Dynasty, Religion, and Power in the Later Roman Empire*. Chichester: Wiley-Blackwell.

Brown, P. (1988). *The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity*. New York: Columbia University Press.

Brown, P. (2017). Pozdniaia antichnost' [Late Antiquity]. In P. Veyne (Ed.), *Istoriia chastnoi zhizni* [History of Private Life] (Vol. 1, pp. 269–336). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Cameron, Av., & Garnsey, P. (Eds.). (2008). *The Cambridge Ancient History* (Vol. XIII). Cambridge: Cambridge University Press.

Chekalova, A. A. (1992). Pretura: osnova komplektovaniia senata Konstantinopolia ili nalogovoe bremia senatorov? [Praetura: The Basis for Staffing the Senate of Constantinople or the Tax Burden of Senators?]. *Antichnaia drevnost' i srednie veka*, 26, 37–45.

Demandt, A. (2008). *Geschichte der Spätantike Das Römische Reich von Diocletian bis Justinian 284–565 n. Chr.* München: Beck.

Hopkins, K. (1961). Social Mobility in the Later Roman Empire: The Evidence of Ausonius. *Classical Quarterly*, 11, 239–249.

Jones, A. H. M. (1964). *The Later Roman Empire 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey* (Vol. 2). Oxford: Blackwell.

Jones, A. H. M., Martindale, J. R., & Morris, J. (1971). *The Prosopography of the Later Roman Empire* (Vol. 1: A.D. 260–395). Cambridge: Cambridge University Press.

Matthews, J. (1975). *Western Aristocracies and Imperial Court A. D. 364–425*. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press.

Moser, M. (2018). *Emperor and Senators in the Reign of Constantius II. Maintaining Imperial Rule Between Rome and Constantinople in the Fourth Century AD*. Cambridge: Cambridge University Press.

Schlinkert, D. (1996). *Ordo Senatorius und Nobilitas: die Konstitution des Senatsadels in der Spätantike*. Stuttgart: Steiner.

Stroheker, K. F. (1970). *Der Senatorische Adel im Spätantiken Gallien*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.

Зайцева Евгения Сергеевна

кандидат исторических наук
ассистент кафедры истории
Древнего мира и Средних веков
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: zajceva-evgeniya@list.ru

Zaitseva, Evgeniya Sergeevna

PhD (History), Teaching Assistant
Department of History of Ancient World
and Middle Ages
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: zajceva-evgeniya@list.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7627-8832>
Scopus AuthorID: 57267376800
WoS ResearcherID: AAP-5263-2021